

Надежда
Семенова

НЕЧАЯННЫЙ РОМАН

Менские истории

Женские истории (Центрполиграф)

Надежда Семенова
Нечаянный Роман

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Семенова Н. Н.

Нечаянный Роман / Н. Н. Семенова — «Центрполиграф»,
2019 — (Женские истории (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08650-1

Наталье было до боли обидно, что Эдуардо достался Аське. Чары подружки – избалованной дочери влиятельного чиновника – оказались сильнее ее скромного обаяния. Желая отомстить Асе, Наталья знакомит свою сестру Женю с красавцем-мачо, ведь Женя необыкновенно хороша собой, она нравится всем и всегда. Если бы Наталья знала, чем все обернется...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08650-1

© Семенова Н. Н., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Надежда Николаевна Семенова

Нечаянный Роман

На дне каждого сердца есть свой осадок.
Козьма Прутков

© Семенова Н.Н., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Глава 1

Наталья всегда знала, что с ней что-то не так. Это знание жило в глазах отца, об этом молчала мама, и только старшая сестра Женька не придавала этому никакого значения. Чудесная, светлая, легкая Женька.

В то далекое лето отец привез семью к своей матери в деревню. Нате было пять, Женьке – восемь. Что бы ни случилось в жизни дальше, память упрямо возвращала Наталью в тот день, когда едкая, жгучая зависть впервые укусила ее за сердце.

...Даже свет боялся бабы Нюры и не лез в темный угол, где стояла гигантская, неприступная, как крепость, кровать. Седая, косматая бабкина голова утопала в груди подушек, приваленных к кованой кровати спинке с железными, колючими пиками. На безразмерном холме бабкиной груди поднималось и опадало в такт тяжелому дыханию красное деревенское одеяло.

– Сынок. – Баба Нюра махнула опухшей рукой с твердыми синими ногтями.

Отец подошел к кровати и склонил голову. Зашевелились морщинистые, как старые грибы, бабкины губы, тихим, придушенным голосом она сказала ему что-то на ухо.

Отец кивнул и посмотрел на маму.

Мама встрепенулась и быстро-быстро замахала им рукой.

Женька крепко, слиплись пальцы, сжала Нате руку и шагнула вперед.

– Только Женька, – поморщился отец и показал на разлапистую, тяжелую скамеечку для ног у бабкиной кровати.

Женька медленно, как во сне, подошла к кровати, встала на скамеечку.

– Евгения, – торжественно, как дядя на параде, сказал отец, – открой рот.

Затрепетало оранжевое в мелкий цветочек Женькино платье, на один странный миг Нате показалось, что сестра превратилась в вытасченную на берег диковинную рыбу: круглые, сумасшедшие глаза, широко открытый рот. Единственное, что отличало Женьку от рыбы, – что она не колотилась телом об землю. На вытянутых по швам руках крепко лежали отцовские ладони.

На Женькино лицо надвинулась косматая тень, бабка внимательно, словно пересчитывая, оглядела Женьке зубы и медленно кивнула.

Отец подхватил Женьку за талию и с облегченным вздохом поставил на пол.

– Теперь ты. – Отец протянул к Нате сложенные в тиски руки.

– Я сама. – Ната спрятала руки за спину и как можно быстрее вскарабкалась на скамеечку.

– Рот, – скомандовал отец.

Ната широко, заболели щеки, разинула рот. Баба Нюра придвинула к Нате темное, нахмуренное лицо. Прошла секунда, другая. Баба Нюра повернула к маме огромную седую голову и сердито, по шутке, выплюнула слова:

– Чем ты ее кормишь? Зубы черным-черны! Мама вспыхнула, посмотрела на Нату и осеклась, в глазах заплескалось знакомое виноватое выражение.

Баба Нюра повернула голову к забывшей закрыть рот Нате.

– Никогда, – прошипела она задышающим шепотом, – никому не показывай зубы.

Из пещеры бабкиного рта дохнуло тяжелым, затхлым запахом.

Ната отшатнулась, ступила ногой в пустоту, но не упала.

Отец подхватил ее за предплечья и брезгливо поставил на пол.

Вокруг Наты словно образовался невидимый пустой круг. Потупилась мама, отвернулся отец, выпучилась в никуда недалекая, идеальная Женька. В приоткрытом рту сестры блеснули влажным перламутром зубы, которых никогда не было и не будет у Наты.

Глава 2

Сентябрь 1990

Басы вибрировали в барабанных перепонках, свет прожектора то и дело выхватывал из темноты изломанные в такт громкой музыке тела. Первая дискотека учебного года в Калининском политехе была в полном разгаре.

Первокурсница Наталья перестала танцевать, одернула новую юбку и погляделась в стеклянную дверь. Дома подол не казался таким коротким, и колени могли бы быть стройнее... и вообще.

– Оля! – сказал кто-то так близко, что встали дыбом волосы на шее.

Загорелый незнакомец улыбнулся яркими губами, в полутьме зала влажно блеснули зубы.

– Я не Оля, – выдохнула она, чувствуя смутное сожаление.

– О'ля – это «привет» по-испански, – объяснил незнакомец, на щеке заиграла очаровательная детская ямочка.

– Привет. – Ната почти улыбнулась в ответ. На обнаженный Натальин локоть легла горячая чужая рука.

– Ты красиво танцуешь. – Он вложил ее руку в свою и приобнял за талию.

Двигаясь в такт музыке, он повел ее в центр зала. Мысли в Натальиной голове расплавились, потекли смутной чередой. Русские так не танцуют, думала она. Его бедра двигались с небрежной грацией, он притягивал ее к себе, кружил, обхватив теплым кольцом рук, отпускал на длину вытянутой руки и притягивал обратно. Движения сами по себе были нетрудными, недаром она занималась в танцевальной студии, но необходимость двигаться в унисон поглощала все внимание, и она не замечала, как с каждым тактом расстояние между ними становилось все короче, а его руки – все смелее. Теперь он был совсем близко, лицом к лицу, в его огромных смоляных зрачках плавало, скользило ее отражение. Новое, незнакомое ей самой отражение, в котором она была взрослой и... таинственной.

Закончилась музыка, он поднес ее руку к своим губам и легонько поцеловал в запястье. Наталья вздрогнула. Никто и никогда так с ней не обращался. Воздух словно наэлектризовался, каждый тонкий волосок встал на теле дыбом, в грудной клетке забилося пойманной птицей сердце.

Объявили перерыв. Народ расступился, разошелся по стенам.

Он продолжал держать ее за руку, словно это было самым естественным в мире занятием. Неожиданная мысль обожгла Наталье затылок: что будет, если у нее вспотеет ладонь?

Он улыбнулся, чуть выдвинув мужественный подбородок.

Какой он, этот подбородок? Такой ли он упругий, каким кажется, подумала Наталья и удивилась, обнаружив свою руку на его лице.

– Как тебя зовут? – улыбнулся он, целуя кончики ее пальцев.

– Наталья, – еле слышно прошептала она.

– Красивая девушка, красивое имя.

Звук иностранной речи отозвался в ушах неведомой песней, покатались веселыми горошинами «р». Слова взбудоражили знакомое тревожное ощущение. Никто и никогда не называл ее красивой. Красивой была Женька. Даже школьная подружка Ася выглядела гораздо интереснее, чем она, тем более с ее прикидом и дорогим макияжем.

– У тебя красивая фигура.

Его губы защекотали мочку уха. По телу пронеслась сумасшедшая искра, закружилась голова. Заиграла медленная, слишком медленная музыка. Он держал ее в плотных объятиях, из которых хотелось выскользнуть, но не хватало сил. Или воли. Или всего вместе.

Как утопающий за соломинку, Наталья ухватилась за ускользающую нить разговора:

– Как тебя зовут? Из какой ты страны?

– Эдуардо. Моя родина – Куба.

Мягкое «б» превратило Кубу в «Куву». В детстве была такая песня...

– Куба – любовь моя, – пробормотала Ната.

Получилось неожиданно громко, повернулась танцующая рядом пара: нахмурился однокурсник, мигнула насмешливым веком старшекурсница.

Наталья обмерла, хотела всем все объяснить, но не успела, к губам прильнули горячие, мятные губы.

– Миллион, миллион, миллион алых роз, – запела Алла Пугачева.

Миллион разноцветных огоньков разорвал темноту.

Глава 3

7 ноября 1990

На кухне звенела посудой мама. Запах грибного супа причудливо вплетался в аромат пирожков с капустой. После пары месяцев студенческой жизни на черном хлебе с постным маслом и жареном луке у Жени автоматически побежали слюнки, в желудке жалобно екнул комок оливье.

– Первый раз за четыре года приехала на ноябрьские домой, – проворчал отец, – что-то случилось?

Он уже поел и лежал на диване с «Правдой».

– Так, – неопределенно сказала Женя, – соскучилась.

– Я умею читать между строк, – нахмурился отец, – в новостях появилась новая интонация, страну ждут гигантские перемены. Если я не ошибаюсь, у китайцев есть старинное проклятие «жить тебе в эпоху перемен».

– У Цоя есть такая песня «Мы ждем перемен», – сказала Женя.

– У кого? – Отец сдвинул очки на лоб. – Что это за фамилия? Он китаец?

– Он из Питера, – сказала Женя.

Еще совсем недавно Цой казался Жене олицетворением свободы и дальних горизонтов. Ветер свободы пах Ленинградом и Невским проспектом, это потом он стал отдавать горечью и кошками. Своих перемен она уже дождалась и примчалась домой, как недобитая ласточка на место зимовки. Парней в финэке на других специальностях было достаточно, только у них на бухгалтерском учете был дефицит. Угораздило же ее втрескаться в собственного любвеобильного старосту. Как выяснилось, их недолговечный дуэт вскоре превратился в трио, а потом и в квартет.

– Спасибо. – Женя выдвинулась из-за стола.

– На здоровье, – сказал папа, – скажи Наталье, пусть поможет маме убрать посуду.

Что-то в тоне отца вызвало неудержимое желание возразить, Женя открыла было рот, но сдержалась. Эта война принадлежала теперь Нате. В отличие от нее младшая сестра решила остаться в Калининне и поступила в местный институт.

Женя обошла стол и тихонечко прикрыла за собой дверь.

Ната сидела перед зеркалом и ожесточенно скребла щеточкой по засохшей туши.

– Папа сказал, чтобы ты помогла маме с посудой, – сказала Женя.

– Вечером, после дискотеки, – буркнула Ната.

– Папе не понравится.

– Тоже мне новость.

Женя села на кровать. Ничего дома не менялось, Натка собачилась с отцом, на кроватях лежали знакомые с детства одеяла.

– Помнишь, как мы помогали маме подбирать по цвету лоскутки? – спросила она.

Ната мельком взглянула на сестру и неопределенно пожала плечами.

– Разве ты не скучаешь по детству? – удивилась Женя.

– С чего вдруг?

– В детстве все было... хорошо и просто.

– У тебя, может, и было. – Ната осторожно, чтобы не размазать, сняла с ресницы комок туши.

Женя погладила пальцем квадратик ткани, на котором навечно застыл в улыбке мишка с надломанным ухом:

– Моя пижама, она потом тебе досталась. Ты почему-то носила только верх, надевала поверх платья и ходила, даже днем.

– Ты помнишь? – Ната медленно повернулась к Женьке. – Пижама была с воротником и двумя карманами, мне казалось, она похожа на пиджак... Как у отца.

– А это кухонные полотенца, – Женька ткнула в середину, – солнышки и подсолнухи, мама переживала, что одеяло получится «вафельным».

– Нормально получилось. Пупырчатый такой... центр, – задумчиво сказала Наталья. – Жень, хочешь пойти со мной на дискотеку?

– Ты же вроде с Асей собиралась идти?

– Она не может, – на Натино лицо набежало легкое облачко, – обязанности «наследницы строительной империи», «важные гости».

– Вы поссорились, что ли?

– С чего ты взяла?

– Наследница... империи, – передразнила Женька.

– Дело не в ней...

У Наты стало детское, обиженное лицо.

– Болит что-то? – спросила Женья.

Неожиданно распахнулась дверь, в проем просунулась голова отца.

– Вы тут?

– Пап, прекрати задавать риторические вопросы, – вспыхнула Наталья, – и я просила стучать.

– Мама уже всю посуду сама перемыла, – проворчал отец. – Что у вас душно-то так? Откройте форточку. И что у тебя за ужас на лице?

В Натальиных глазах заскакали сердитые искорки, Женья успокаивающе похлопала ее по руке.

– Это не ужас, а макияж, – сказала Женья, – мы на дискотеку собираемся.

Отец перекачнулся с носков на пятки и выставил вперед палец.

– Только что передали, – желчно сказал он, – слесарь Ижорского завода из твоего любимого города Ленинграда выстрелил на параде в Москве. Неслыханно!

– Никогда не была на Ижорском заводе, – сказала Женья.

– Евгения, – сказал отец, – мне не нравится твой тон. Интеллигентный ленинградец так разговаривать не должен. На дискотеку они собрались, на улицах из ружья стреляют!

– Мы в Калинин, – сказала Женья, – в городе самого миролюбивого человека и народного старосты. Все нехорошее случается либо в Ленинграде, либо в Москве.

– Согласен, – сказал отец, – куда смотрит администрация Ижорского завода? Я бы со стыда умер, если бы в воздух стрелял представитель нашего треста.

– Не сомневаюсь, – сказала Женья, оттесняя отца к выходу.

– Ловко ты с ним, – вздохнула Ната, когда за отцом закрылась дверь, – попробовала бы я так с ним разговаривать...

– Научишься, какие твои годы! – засмеялась Женья. – Как у вас на дискотеках с кавалерами? Надо у мамы платье одолжить...

Из зала в честь праздника вынесли стулья, на импровизированной сцене установили аппаратуру. Нарядная Наталья стояла за Женькиной спиной и чувствовала себя уродливой сестрой Золушки. Женька перетянула старое синее мамино платье ацетатным шарфиком, чтобы «замаскировать набитый живот», но умудрилась сделать это так, что он спадал красивым, как у принцессы, шлейфом, в полутьме теплыми огоньками мерцали глаза.

– Куда двинемся? – спросила Женька. – Где твой ухажер?

Наталья окинула зал взглядом. Зал кишел людьми, но Эдуардо нигде не было видно. Было бы неплохо, подумала она, если бы в жизни было как в кино: подумал про человека, и прожектор выхватил его из темноты.

– Никакой он мне не ухажер, – с болью сказала Наталья, – я просто первая с ним познакомилась...

– Сто лет не была на дискотеке. – Женька подняла руки, чтобы занимать как можно меньше места, и начала протискиваться вперед, туда, где бульон тел становился гуще и интенсивнее.

Парней в толпе было заметно меньше, чем девчонок. Группа девиц в теле дружно плясала вариант барыни, подбадривая себя визгами и подергиванием юбок. Обилие плоти странно напомнило базарный прилавок с парным мясом. Чей-то локоть ткнул Наталью в живот, она задыхнулась, отступила, ударилась об массивную спину сзади.

Задышающийся голос певца замурлыкал на иностранном что-то медленное, усиливая чувство клаустрофобии. Девицы с мясного прилавка вздохнули и расступились. Наталья бросилась в просвет между телами и обнаружила себя в полуметре от танцующей пары.

Она узнала его по затылку и линии плеч. Его бедра не казались больше ленивыми, а были поджаты в охотничьей стойке. Его голова, все его тело было устремлено вперед, на плечах лежали тонкие... Женькины руки. Сестра смотрела на Эдуардо удивленным взглядом, за полураскрытыми губами влажно блестела перламутровая полоска зубов.

– Знакомся, моя сестра, – пробормотала Наталья заранее подготовленную фразу, которую никто, кроме нее, не услышал.

Поменялась музыка, вместо полусдохшего иностранного шептуна в динамики ворвался «Ласковый май». Толпа с энтузиазмом выдохнула в одно общее горло. Шум, свист и пляс слился в общий восторженный гул. «Белые розы, белые розы», – запричитал фальцет, и толпа начала подпевать. Дробный мотивчик словно нажал невидимые пружины, Натальины руки сами собой сложились в хлопающие крылышки, ноги принялись выписывать на полу затейливые кренделя. В теплых сапогах захлопало от пота.

Эдуардо и Женька не расцепили объятия, так и остались стоять, только заходили, не попадая в такт, острые Женькины локти, словно у привязанной к ниткам марионетки.

Время сцепилось в бесконечный локомотив, под метроном бухающего в ушах Натальино сердца одна композиция следовала за другой.

Снова ускорился темп, сгучавшие у стенок встряхнулись и заполнили свободное пространство. В центре зала, всем на рассмотрение, Эдуардо и Женька продолжали танцевать свой собственный, никому не слышный, кроме них, медленный танец, на его плече флагом капитуляции повис Женин шарфик.

Народу в зале осталось совсем немного. Девушки из мясного танцевали друг с другом. Наталья сидела в темном углу и пустым взглядом смотрела на пустое место в центре зала. Она знала, знала, что именно так все и случится, Эдуардо не мог, не мог не обратить на Женьку внимания. Именно поэтому она и позвала сестру на дискотеку. Только вот почему ей так больно? Почему кажется, что в груди кровоточит, рвется на части глупое слабое сердце.

– Быстрее, последний трамвай! – Женька заскочила в дверь и замахала рукой.

Проклиная свои ватные ноги, Наталья сделала рывок и вскочила на подножку.

Клацнула, защемляя край Натальино пальто, дверь.

Танцующей походкой Женька прошла вдоль пустого вагона и села в последний ряд у заднего стекла. Наталья выдрала пальто из двери и поплелась следом.

На Женькином лице заблуждало странное, неуловимо знакомое выражение. Наталья бухнулась на сиденье с краю и уцепилась за холодный металлический поручень.

– Я и забыла, какие короткие в Калинин трамваи, – сказала Женька, – так гораздо уютнее.

– Калинин гораздо меньше Питера, – сказала Наталья, удивляясь тому, как механически прозвучал собственный голос.

– И люди в провинции гораздо более приветливые, – сказала Женька.

– Меня чуть дверями не прищемило, – пробормотала Наталья.

– Наверное, водитель торопится домой, – сказала Женя и грациозно, как кошка, потянулась всем телом, – к жене и деткам.

– Водитель, к твоему сведению, женщина, – вспыхнула Наталья, припоминая, откуда ей знакомо выражение Женькиной... морды.

Именно такое было у соседской кошки Маруськи, которой мама носила рыбы кости. После папы кошке доставалось мало, он сам обглаживал их дочиста. Говорил, что настоящий рыбак даст фору любой животине, даже если вся рыба в доме из гастронома. Мама тоже любила рыбу, но над костями не усердствовала, Маруська тоже должна была чем-то питаться, Маруськина хозяйка, тетя Валя, жила на пенсию.

– Натка, ну, не дуйся, – промурлыкала Женя, – твой Эдик правда... душка.

– Это не мой Эдик, – сказала Наталья, глядя прямо в узкий, кошачий Женькин зрачок, – Эдуардо встречается с Асей. Уже месяц.

– Месяц? – закашлялась, словно поперхнулась рыбьей косточкой, Женька.

– Аська хочет пригласить его на Новый год домой. «Папе показать», – мстительно сказала Наталья.

Женька молчала, острыми зубками кромсая нижнюю губу.

Отчаянно дребезжа и лишь слегка притормаживая на горящих желтым светофорах, трамвай прорубал железным телом темноту ночных улиц.

Женя откашлялась.

– Ты не говорила, что у него роман с твоей подругой. Я думала, он просто... бабник.

– Та еще подруга, – горько усмехнулась Наталья, – я первая с ним познакомилась, только кого это волнует? Ты вон тоже... все лицо ему... облизывала.

Женькино лицо превратилось в белую маску с неровно вырезанными прорезями для глаз. Один глаз выше другого и оба несчастные.

– Он... теплый, – медленно сказала она, обхватывая себя за плечи, словно ей стало вдруг смертельно холодно.

Глава 4

Тяжелые бордовые шторы, кровавые обои с золотым тиснением, душный, спертый воздух, ни дать ни взять публичный дом из «Ямы» Куприна.

В город приезжал на гастроли московский театр с постановкой, где он выглядел именно так. Наталья достала из кармана платок и промокнула лоб.

– Мужик не кобель, на кости не бросается. – Ася припудрила декольте и засмеялась.

Желтая мелированная гривка затряслась в такт хохота, луч света заскакал на гранях крупных золотых серег.

– Как тебе? – Ася приложила к бирюзовой ткани платья гроздь розовых бус, неудовлетворенно покачала головой и поменяла на громоздкое красное кольцо.

– Не слишком откровенно? – смущенно пробормотала Наталья, отводя глаза.

– Что я тебе, тургеневская девушка?

Ася отбросила кольцо на туалетный столик, плюнула на ладони, наклонилась и разгладила тугую колготину на смачной икре.

Наталья покачала головой. Победная Ася внушала противоречивые чувства: отвращение и острую, до боли в кишках, зависть. В мечтах все, о чем рассказывала бесстыжая Аська, происходило с ней. Наталья представляла, как она подходит к Эдуардо, смело, как это делает Ася, берет его за руку и видит, как вспыхивают в ответ его глаза, и она снова чувствует на себе его мятные, горячие губы.

– Смелая ты, – сказала Наталья, – я так не умею.

– Ничё, научисся, – пообещала Ася, – будь ласка, принеси мою сумку. Я, кажись, в прихожке ее бросила.

Наталья обошла гигантский плюшевый диван на тонких вычурных ножках и зацепилась за раздвижной столик на колесиках. Раздраженно задребезжали хрустальные бокалы, на пол посыпалась шелуха от семечек.

– Эй, – укусила себя за веко щипчиками для бровей Ася.

– Извини, – пробормотала Наталья.

– Щетка в прихожей, – сказала Ася, выцеливая неподатливый корень, – надо новую щипалку. Эта ни черта не хватает.

Наталья закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной. Как он может с ней спать? Неужели мужикам все равно? Каждый раз, когда Эдуардо кладет руку на вертлявый Аськин круп, хочется умереть. И Женька оказалась такой же, как Аська.

Стуча о паркет деревянными ногами, Наталья прошла по кишке коридора в просторную прихожую, заставленную мебелью цвета кости несчастных, замученных до смерти слонов. Огромная Аськина сумка валялась у двери, половина содержимого наружу, внимание привлекли глянцевые квадратики поляроидных фотографий. Эдуардо целует Асю. Ася целует Эдуардо. Кто это снимал? Обнаженная спина Эдуардо на фоне претенциозных – золото на бордо – обоев. Он смотрит в камеру вполоборота, на щеке равнодушная, знакомая до боли ямочка.

– Натаха, чё застряла-то?

Звук Асиного голоса бритвой полоснул по ушам. Полы в доме Пилипчуков, покрытые толстым болгарским ковролином, замечательно заглушали шаги. Ася стояла в дверном проеме, скрестив ноги в сапогах-ботфортах, на дверной раме хищно поблескивали свежеевыкрашенные кровавые ногти.

– Шпионишь, – прошипела Ася, – по сумкам шарисься?

Наталья икнула и спрятала руку с фотографиями за спину.

– Я все видела!

Ася занесла над головой руку и бросилась вперед.

Наталья отступила и прикрыла голову рукой с зажатыми в ней фотографиями.

– Дай сюда, – приказала Ася, притормаживая на каблуках.

Наталья протянула дрожащую руку с фотографиями.

Ася подняла сумку, бросила в них фотографии и повернулась к Наталье. Вздернулась короткая верхняя губа, обнажились крупные, лошадиные зубы. Ася окинула растерянную Наталью взглядом, закинула голову назад и... заржала, на шее забились толстая синяя жила.

– Ну у тебя и рожа была! – хохотала она. – Ты чё думала, я не вижу, как ты Эдика глазами жрешь? Знала, что не стерпишь, нарочно сумку открытой оставила.

Аськин смех вывернул душу, пощечинами забарабанил по лицу. Наталья сжалась в комок, закрыла лицо ладонями.

– Дура, да не реви ты, – в Аськином голосе появилась вдруг жалостливая, бабья нотка, – я тебе добра хочу. Забуди Эдку, не твоего он полета. Мой он теперь. Ясно? Мой.

На Натальином лице высохли слезы пережитого унижения, вскрылась, запульсировала зияющая, кровоточащая рана на пустом, оглохшем сердце.

– Твой? – тихо спросила она. – Ты уверена? Спроси его, с кем он был на Седьмое ноября.

В голос прорвалась предательская дребезжащая нотка.

Аська всхрипнула, заволокло пеленой глаза. Она знает, поняла Наталья.

Ася посмотрела на Наталью невидящими глазами и указала на дверь.

Наталья сняла с вешалки пальто, проверила, на месте ли шапка, и стала надевать сапоги.

Поблекшая вмиг Ася стояла, прислонившись спиной к стене, даже подплечники не помогли придать ее плечам прежнее горделивое выражение.

Глава 5

24 января 1991

1991 год начался со смутных событий в Прибалтике и на Кавказе. Страну лихорадило, прорастали драконьи зубы, засеянные гораздо раньше. В общаге отшумел Новый год, соседка, длиннолицая калмычка, ушла праздновать к землякам. Соседи из трешки тоже куда-то смотались. Весь блок был в Женином распоряжении. Она разогрела в кастрюльке суп, зажгла две свечи и достала из морозилки брикет мороженого, сняла верхнюю и нижнюю вафли, растопила на плитке маленькую шоколадку и залила пломбир.

Каждое утро начиналось с паники, в желудке поднималась тяжелая, едкая волна. Тошнило от всего. От кофе, запаха снега, бензина, дождя. Рвало горькой, желтой жижей от собственного отражения в зеркале.

Женя похудела, свитер висел мешком, как на плечиках. Брюки и юбки болтались на талии. Стали беспокоить зубы, выпрыгнула пломба, на резце явно появился кариес. И настроение стало неуправляемым. Она впадала в уныние по пустякам и по-идиотски радовалась ерунде. И постоянно не хватало воздуха.

Решение пришло само по себе, осветив закоулки души теплым, ровным светом. Она как-нибудь объяснится с родителями. Может, даже найдет подходящие слова для отца. Самое главное, что Ната простила ее за ту единственную, сумасшедшую ночь. Как нежно она его называет – «Лало». Непонятно только, зачем она общается с Асей? И правда ли, что Эдуардо устает от Асиных бесконечных притязаний и попыток «подкупить»?

Смешанный со снегом ветер ударил Женю в лицо колючим кулаком. В ребро уперлась острым углом неправильно уложенная в брезентовый походный рюкзак книжка. Женя перешла Невский и побрела к Московскому вокзалу.

«Стрела» стояла уже на перроне, Женя показала билет хмурому проводнику и поднялась по ступеням в вагон. На ее месте у самой двери сидел голенастый, взъерошенный парень в пиджаке и коротких черных брюках. Он помог Жене закинуть рюкзак на багажную полку и пересел на противоположную нижнюю полку.

– В Москву или чего? – чуточку заикаясь, спросил он.

– До Калинина.

– Жаль, – улыбнулся парень, – мы разве не знакомы?

– Хороший ход, – Женя невольно улыбнулась в ответ, – нет, мы не знакомы.

– М-меня, кстати, Леша зовут, – сообщил он.

Кого-то он явно напоминал, этот нелепый парень в коротких штанах. Женя внимательнее взглянула в лицо попутчика. На широком лице сияли теплые глаза чайного оттенка.

– Женя, – сказала она.

– Очень приятно, ага. – Он склонил голову набок и улыбнулся, ни дать ни взять добродушный, покладистый пес.

Поезд уютно стучал колесами, вагоны тихонько покачивались в такт. Они сидели друг напротив друга и болтали. Леша рассказывал про студенческую жизнь в Горном институте, рисовал пальцем на стекле геологические карты и азартно сверкал глазами и зубами. Женя пила третью чашку чая и слушала, подобрав коленки к подбородку. Казалось, что все заботы и печали остались за бортом. «Стрела» мчалась вперед, и Жене было немножечко грустно осознавать, что где-то существует другая, непохожая на ее собственную, простая и интересная жизнь.

Пришла проводница, вернула билет и сказала, что скоро будет Калинин.

Леша снял с полки рюкзак и помог его надеть. Минуту Женя чувствовала на плечах его большие теплые руки. Он смущенно кашлянул, достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку и ручку.

– М-можно мне твой телефон? – сказал он, снова заикаясь.

– Калининский? – удивилась Женя. – В Питере у меня телефона нет.

– Любой.

Женя взяла из его рук блокнот и боком присела за столик. Леша покраснел, на фоне неяркого света плацкарта запылали уши. Он кашлянул и протянул руку за Женину спину, где висело его пальто. Женя немного отодвинулась, чтобы он смог его достать. Рюкзак внезапно потерял вес и перестал давить на плечи. Леша застыл в позе поломанного крана: одна рука на поясе, другая – на ручке Жениного рюкзака.

– Очень галантно, – улыбнулась Женя, торопливо дописывая адрес и телефон.

– Зато как неудобно, – отозвался Леша, сгибая шею, чтобы видеть ее лицо.

За окном замелькал перрон, поезд начал тормозить.

Леша перестал поддерживать рюкзак и отодвинулся.

– Было приятно познакомиться, ага, – сказал он и печально вздохнул, как собака, которой отказали в прогулке. – Я могу вынести рюкзак или чего.

– Я сама, – сказала Женя, – счастливого пути!

Она повернулась и пошла к выходу. Ей хотелось сказать что-то хорошее славному, нескладному попутчику, которого она никогда больше не увидит, но ничего не приходило в голову. Женя прыгнула на перрон и пошла к вокзалу. Если бы она повернулась, то увидела бы Лешу в дверях вагона.

Поезд тронулся, остановка в Калининне была короткой. Леша вернулся на место, пролистал записную книжку и нашел написанную красивым, округлым почерком запись.

– Женя Нечаева, – вслух сказал он, – п-подходящая фамилия.

Со второй полки свесилась заспанная мужская физиономия:

– Третий час, хватит уже трюндеть.

– Купе надо брать с такими привычками, – отозвался женский голос с полки напротив.

Глава 6

7 февраля 1991

С методичностью комбайна отец дожевал мясо, собрал с тарелки остатки подливы хлебной коркой. Мама вскочила, готовая метнуться за добавкой. Отец жестом посадил ее на место.

– Все было очень вкусно, – сказал он, вытирая губы салфеткой.

На ткани расплылось жирное пятно.

– С днем рождения, – сказала мама.

– С днем рождения, – подхватила Наталья, вздохнула и подложила себе оливье.

– Поздравляю, – сказала Женя.

– Хороший салат получился, – сказала Наталья.

– Женя помогала, – тревожно улыбнулась мама.

Женя слабо улыбнулась в ответ. Все шло не так, как задумывалось. Сначала не хотела портить встречу и отложила на завтра. На следующий день никак не могла выбрать подходящий момент. Потом случилось что-то еще. Решимость таяла с каждым днем. Вчера в ванной поймала в зеркале мамин взгляд, мама тут же отвела глаза, но на секунду показалось, что она вот-вот заплачет. Наталья тоже вела себя необычно. Исчезала с утра, после того как родители уходили на работу, и возвращалась незадолго до их прихода, будто избегала.

– Каникулы на исходе, а мы так и не слышали, что думают ленинградцы про последние события в стране, – сказал отец, протягивая маме пустую кружку. – Одну ложку сахара. Похоже, моя изжога от сладкого.

Мама налила чай, насыпала ложку сахара и, убедившись, что отец не смотрит, добавила еще половину, затем укоризненно показала Жене глазами на тарелку, на которой остывала нетронутая еда.

– Молодежь теперь считает ниже своего достоинства читать газеты, – сказал папа, обращаясь к маме.

– Ой, ну мало ли что пишут в газетах, – сказала Наталья, – можно подумать, каждое слово в «Правде» – чистая и единственная правда.

– Кстати, – подхватила мама, – пишут, что Куйбышеву вернули старое название.

– Это какое? – спросила Наталья.

– Ах, Самара-городок, беспокойная я... – чистым, сильным голосом пропела мама.

Отец вздрогнул и пролил на скатерть чай. Мама с Натальей вскочили, наперегонки потянулись за тряпкой. Наталья промокнула пятно, мама достала из навесного шкафа пачку соды и щедро насыпала сверху. Женя осталась сидеть, наблюдая за тем, как затейливо задрожал на ручке вилки отраженный свет.

– Могла бы и помочь, – сказал ей отец.

– Что? – вздрогнула Женя, выпрямляясь на стуле.

– Ты даже не слышишь, когда к тебе обращаются, – сказал отец.

– Задумалась, – сказала Женя.

– О чем, мне интересно, ты так сильно думаешь? – Отец обвел кухню жестом хлебосольного хозяина и доброго царя. – Поделись с родными.

Наталья подозрительно прищурила глаз, вопросительно насторожилось дуло зрачка. Обнесло синим бледные мамины губы, рванулась к груди рука.

Женя откашлялась.

Побелели на прижатой к груди маминой руке пальцы, она умоляюще замотала головой. На Натальином лице надулись и опали сердитые ноздри. Папа отхлебнул чай, почмокал губами и потянулся к тарелке с овсяным печеньем. Мама оторвала руку от сердца, потянулась через

стол и подвинула ему тарелку. Папа собрал губы в куриную попку и стал взглядом выбирать печенье. Не ты, и не ты, может быть, ты, или ты, просигналили брови.

Женя решила выдохнуть все разом, чтобы сразу отрезать путь к отступлению. Она и так слишком долго откладывала. Каникулы проскочили как один длинный, кошмарный сон. Жаль, что пробуждение пришлось на отцовский день рождения. Хорош подарочек, нечего сказать.

– Я беременна, – сказала она.

Отец побагровел и открыл рот. Он силился что-то сказать, но не мог. Бледная мама застыла как изваяние, зажав рот тыльной стороной ладони. На мамином переднике, на грудном кармашке в виде яблока, отчетливо виднелся белый след, словно невидимая белая рука ухватила маму за сердце.

Тишина была такой пронзительной, что стало слышно, как лопаются пузырьки слюны в уголках разверстого рта отца.

Или, может быть, это лопались сосуды в его больном сердце.

От Натальино визга заложило в ушах. – Нет, – прокричала она, – не-е-е-ет!

С безумным лицом, потрясая сложенными в кулаки руками, сестра стала обходить стол. Вдруг почудилось, что, если Наталья споткнется, она не просто упадет, а разлетится вдребезги.

Женя встала из-за стола.

Наталья подошла к Жене, размахнулась и ударила ее по лицу, в последнюю секунду разжав кулак. Удар прозвучал звонко, будто мама шлепнула ладонью по пельменному тесту.

– Аборт, – выдохнула Наталья, – ты можешь сделать аборт.

– Ната, – жалобно сказала мама.

Женя потрогала щеку, не чувствуя никакой боли. Вместо нее внутри проснулся крошечный упрямый огонек, осветив ровным, ясным светом решимость, которой еще мгновение назад не было в помине.

– Я буду рожать, – сказала Женя.

Наталья дернулась и отступила, держа на отлете руку, нанесшую удар.

Охнула и мягко осела на стул мама.

Оскал на лице отца стал походить на звериный.

– Дрян, – сказал он, – гулящая девка. В деревне таким ворота дегтем мазали.

Мама сложила ладонь в умоляющем жесте.

Отец вскочил из-за стола и стал ходить взад-вперед, под сердитыми шагами жалобно заскрипел пол.

Наталья перестала мотать головой и ухватила себя за левый глаз. Под скрюченными в когти пальцами задергался, замигал плачущий глаз.

– Твое воспитание, – отец навис над бессильно откинувшейся на стул мамой, – долиберальничалась. Слава богу, гостей не позвали. Позор был бы на весь трест!

Отец рванулся к столу, схватил с него Женин подарок и швырнул в Женю. Скрученный в трубочку галстук размотался в воздухе пестрой лентой – желтые крапинки на сером фоне, – ударился об Женину руку и бессильной тряпочкой упал в ноги.

– Спасибо тебе, дочь, за чудесный подарок на день рождения, премного благодарен! Спасибо, что показала, какую дочь мы с матерью вырастили!

Огонек в Жениной душе сгорел дотла. Пепел забил легкие, защипал глаза.

Оглушительно зазвонил телефон.

Звонил кто-то настырный. Или пьяный. После восьмого звонка Наталья отлепилась от стены.

– Я отвечаю! – рявкнул отец и, вбивая ноги в пол, прошагал в прихожую.

Звонок захлебнулся, жалобно тренькнула сорванная с гнезда трубка.

– Алло, – буркнул отец, – кто ее спрашивает?

Что-то ответил далекий неразличимый голос на том конце провода.

Отец до хруста сжал трубку.

– Женя здесь больше не живет, – чеканя каждое слово, сказал он.

Глава 7

Если бы не учеба, Женя сошла бы с ума. Сердце усохло в груди и почти перестало болеть. Осталось два плаття, которые еще можно было носить. Одно, подаренное соседкой, трикотажное с белым воротничком, залоснилось на локтях. Женя чистила его уксусом, проглаживала через мокрую марлю – ничего не помогало. От второго, синтетического, постоянно чесалась кожа, особенно на животе.

В мае Женя позвонила домой, чтобы поздравить маму с днем рождения. На звонок ответил отец, услышал голос и положил трубку. Женя выслушала гудки, бросила дань в щель телефона-автомата и набрала номер опять. Монета с грохотом провалилась в ненасытную телефонную утробу. Заныло под ложечкой. Скучный завтрак – половина яйца под майонезом на корке хлеба – пополз по пищеводу на выход.

На этот раз ответила мама. Выслушала слова поздравления и вздохнула. В трубке завыл неизвестно откуда взявшийся ветер. Казалось, их разделяла бездонная пропасть в сотни километров.

– Как ты? – спросила мама, перекрикивая шум.

В завывания ветра прокрался далекий голос отца. Мама что-то говорила ему в ответ. Ветер в трубке сменился электрическим потрескиванием, сквозь которое прорывался чужой разговор.

– Тридцать два, конечно, тридцать два, – сказал меланхоличный мужской голос.

– Нет, ну, ужас, что ты такое говоришь, – горячо возразил женский, – двадцать пять – красная цена.

Женя постучала пальцем по трубке, подавляя желание заорать: «Девушка!»

С железным клацаньем телефон сожрал очередную монету.

Чужой разговор оборвался так же неожиданно, как и возник. В трубке забурчали знакомые голоса: мама терпеливо поддакивала неразборчивому голосу отца.

– Алло, – сказала Женя.

– Что ты сказала? – отозвалась мама прямо в ухо, словно переместилась в соседнюю комнату.

– Ничего, – сказала Женя.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – ответила Женя, – все хорошо.

Мама снова вздохнула и начала говорить, так осторожно подбирая слова, будто они были минами, а мама – сапером. Сапер из мамы получался никудышный. Каждое слово цепляло обнаженные нервы. Впервые за долгое время Женя почувствовала себя живой. Живой и жутко злой.

– Лучше всего, если ты останешься в Ленингра... я имею в виду – в Петербурге, на все лето, – мямлила мама, – ну, знаешь... до самого дня. Я приеду к тебе в отпуск, в августе. Никто ничего не заподозрит. Жить можно у тети Сони, я договорилась. Она берет совсем немного, я еще картошечки привезу. Мешок тебе, мешок – ей.

С жалким звуком провалилась в автомат последняя монета.

– Я и после окончания не собиралась приезжать, – сказала Женя, – привет тете Соне.

Женя с грохотом повесила трубку. От мембраны отскочил крошечный осколок пластмассы и ужалил в ладонь. Узкая кабина междугороднего телефона показалась на миг тесной, как экономно рассчитанный гроб. Женя выдохнула, застегнулась на две верхние пуговицы, дальше не позволял живот, и рывком распахнула дверь.

Чтобы остаться в комнате на лето, Женя пошла записываться в строительный отряд по ремонту общежития.

Заведующая общежитием Лидия скривила намазанные перламутровой помадой губы:
– Надо будет полы отскрести и окна мыть, ты сможешь... с таким-то пузом? Не в июле срок?

– В начале августа, – сказала Женя.

– Домой почему не едешь?

Женя опустила голову.

Лидия ожесточенно размяла сигарету в пепельнице.

– Я тебя на окна поставлю. Нам щетки новые привезли с длинными ручками. С ними даже нагибаться не надо.

– Спасибо, – сказала Женя.

В горле завожился колючий клубок.

Лидия сунула в рот незажженную сигарету.

– На академ уже подалась?

Пол закачался под ногами. Академический отпуск означал лишение права на проживание в общежитии. Конечно, была еще тетя Соня и картошка, но этого варианта хотелось избежать всей душой.

Женя покачала головой.

Лидия вытащила изо рта замусоленную сигарету.

– Будешь писать заявление, напиши: «На срок академического отпуска с такого-то по такое-то нуждаюсь в общежитии», – я подпишу.

Колючий комок в горле растаял без следа.

– Ну что вылупилась, иди уже, – сказала Лидия, вытряхивая из пачки новую сигарету, – курить охота, аж руки трясутся.

– Спасибо, – пробормотала Женя, – спасибо.

– Да ладно, – Лидия поднесла зажигалку к сигарете, – плавали, знаем.

Глава 8

– Ты на бочок, на бочок сядь, – сказала Жене пожилая медсестра и повернулась к товарке: – Первогодка. На тряпки порвалась, хорошо, руки у Афанасьевны золотые. Заштопала по высшему разряду.

Медсестра говорила про Женину ситуацию с профессиональной индифферентностью. Так сапожник сетует на состояние набоек на сапогах, с той небольшой разницей, что в данном случае «сапогами» был живой человек.

Медсестра оказалась права, сидеть на боку было гораздо удобнее, боль становилась вполне терпимой. Женя сосредоточилась на лице сына. Пунцовый цветок рта с очерченными губами, роскошные темные ресницы отбрасывают длинную тень на крошечную щеку.

– Сиську, сиську ему дай, – приказала пожилая медсестра, показывая, как правильно давать сосок.

– Ты чего худая-то такая, – сказала Жене вторая, улыбчивая медсестра, – скажи, пусть бульону с курой передадут, печенки еще можно. Тушеной, не жареной.

– Не ходит к ней никто, – оборвала ее пожилая, – родители в другом городе, а папаша... Она высунула кончик языка и выдохнула. Получился короткий, энергично неприличный звук.

– Умер? – спросила собеседница.

– Слиял, – сказала пожилая, неожиданно переходя на громкий шепот.

Улыбчивая медсестра жалостливо покачала головой.

Женя коснулась лбом маленькой головы. Волосы соскользнули с плеч и занавесили, укрыли их от всего мира. Младенец чмокнул губами и вцепился в сосок. Боль огнем обожгла низ живота. Женя невольно застонала. Младенец перестал сосать, открыл темно-вишневые глаза и посмотрел прямо в душу. Теплая нежная волна омыла замороженное сердце. Женя протянула руку к маленькому лицу и пальцем погладила нежную щечку.

– Рома, – сказала она, – тебя зовут Рома. Младенец закричал и вернулся к груди.

– Чего ты навалилась-то на него так? – Пожилая медсестра стояла над кроватью с решительным выражением лица. – Еще и волосюками покрыла. А если задохнется? – сказала она. – Давай его сюда. Время кормления вышло. И не тяни так сосок. Трещины будут. Нажми сбоку.

Женя выполнила все указания и с неохотой вернула ребенка медсестре. Оттаявшее на миг сердце снова затянулось ледком.

– Спи, – сказала медсестра, – отдыхай. И пей. Молока больше будет.

Дни в роддоме летели один за другим, сложились в неделю, другую. Роженицы сменяли друг друга, а Женя оставалась в палате. Выяснилось, что старую медсестру зовут Анна Петровна, а улыбчивую – Лена. Женя недоумевала, что ее так долго держат в роддоме, и в то же время благодарила судьбу. Лето выдалось жаркое. Влажный душный воздух приносил с улицы запах жареных чебуреков и нагретого асфальта. Пот струился по спине и впитывался в халат, придавая ему кислый, несвежий запах. Душ работал не всегда, но зато в коридоре стояли два холодильника. И пеленки для Ромы стирать тоже не приходилось. Женя ломала голову, как она сможет обойтись без холодильника в общежитии?

Наступил день выписки.

Петровна подогнула углом пеленку со штампом роддома, поправила на головке легкий чепчик и протянула Жене аккуратно упакованного Рому. Хмурое лицо озарилось неожиданной улыбкой, словно зажегся свет в темном доме.

– С богом, – сказала медсестра и притворно нахмурилась: – Пупок надо будет смазать сразу после первого купания.

– Ты говорила. – Женя положила Рому на кровать и обняла старую медсестру за плечи: – Спасибо тебе, Анна Петровна. За все.

– Карточку не забудь снизу взять, – пробурчала та, – а то набегаешься потом.

Благоухающая духами незнакомая медсестра просунула в дверь голову и музыкально промурлыкала:

– Нечаева.

Женя поднялась с кровати и одернула несвежий халат. Медсестра, стуча каблучками, подошла к кровати и взяла Рому на руки.

– Какой тяжеленький, – пропела она.

– Три восемьсот пятьдесят, – с гордостью уточнила Петровна.

Выписывающая медсестра растянула губы в вежливой улыбке и прогарцевала на выход.

Женя поспешно обняла Петровну еще раз и последовала за ней.

Они прошли по длинным коридорам, спустились на два этажа и прошли в небольшую комнату. Медсестра положила Рому на пеленальный стол, взяла у Жени номерок на одежду и вышла. Слезы навернулись Жене на глаза. Сейчас с сына снимут роддомовские вещи, и он останется голышом. Вернее, в распашонке и тонком чепчике – подарках Петровны. В сумке была еще пара распашонок и один чепчик, но ни одних ползунков. Жене не пришло в голову, что надо будет как-то добираться до дома. Пять толстых фланелевых пеленок и четыре тонкие – все, что она смогла подготовить заранее, – лежали отглаженные в запертой комнате в общегитии.

Дверь открылась, и в нее боком, зажав под мышкой новенькое одеяло, протиснулась Анна Петровна.

– Успела, слава тебе господи, совсем запамятовала. Держи одеяло для пацана. Хлопочек. Таких днем с огнем сейчас не найти.

Женя растерянно приняла драгоценный сверток.

Петровна отмахнулась от благодарностей, вытерла испарину на лбу и подмигнула:

– Будет тебе и другой сюрприз.

За закрытой дверью раздался цокот каблучков и оживленные голоса. Выписная медсестра тараторила без умолку, звук другого голоса резанул по сердцу. Боясь поверить, Женя задержала дыхание.

Дверь открылась.

Вошла медсестра с Жениной одеждой через руку и с босоножками в руках. За ней с тревожным и одновременно сияющим лицом вышагивала мама. Огромная сумка на плече, в руке неловко зажат букет белых гвоздик.

Глава 9

Потный Андрей Григорьевич Пилипчук переложил громадный букет роз из одной липкой ладони в другую. Пиджак взмок под мышками, шелковая удавка галстука впиалась в шею. Глава треста словно провалился в нелепую, фантастическую реальность: мысли в голове пихались и перебивали друг друга. Особенно мучили длинные, запутанные мысли. Короткие – хотелось выкрикнуть вслух и добавить мата.

Муками, которым его подвергала доня Асенька, можно было запросто устлать дорогу в ад. В голове возникла неожиданная картина. Ровная как штык проселочная дорога надвое делила выжженную землю, усыпанную человеческими костями и горелыми остовами хат. Через равные, распределенные словно гигантской механической рукой промежутки на дороге высились небольшие аккуратные холмики белоснежной муки.

Пилипчук сморщился и досадливо пробормотал: «Не мукой, а муками!» Картинка в голове послушно мигнула. Холмики сменили цвет с белого на серый.

Пилипчук вздохнул и стал думать дальше.

Разве не был он Асе хорошим отцом? Институт – пожалуйста, квартира в центре – будьте любезны. Машина? Скажи какая. Слова не сказал, когда Ася собралась замуж за этого иностранного нищebroда. Свадьбу закатил такую, что не стыдно было председателя областного исполкома позвать. Он, собака, не пришел, прислал зама. Не он один, многие из приглашенных предпочли открыточками отделаться. Со вложенными дензнаками. Будто у него денег нет. Вот когда Пилипчук пожалел, что покинул Украину. Косные в России люди, особенно в провинции. Ни тебе широты, ни тебе разгуляя. Председатель, тот хоть зама прислал. Заместитель, даром что на вид щуплый, жрал будь здоров, а пил и вовсе наравне с хозяином. Сибиряки – они ребята крепкие. Так втроем и гуляли. Зам, сам и кубинский зять. Эдуардо, мать его за ногу.

В голове возникла вдруг ниоткуда мускулистая мужская задница в семейных трусах. Задница вихляла бедрами и заслоняла собой весь горизонт.

Это что еще за хрень, заморгал Пилипчук.

Задница в трусах съезжилась и утанцевала куда-то вбок. Вместо нее появилась пышнотелая негритянка в красных пластмассовых бусах и голубом купальном костюме. Плавки так туго обтягивали роскошное черное бедро, что было видно натянутые изнаночные швы.

Остров Свободы, подумал Пилипчук.

Негритянка игриво прикусила кончик длинного полированного пурпурного ногтя.

Хорошее место, подумал Пилипчук.

Одно было нехорошо, Горбачев испортил отношения с Кубой. Фидель заклеил Советский Союз с его перестройкой предательством интересов братьев по оружию, отступничеством от светлых идей социализма и выдвинул лозунг: «Социализм или смерть». Кубинцы отзывали всех своих студентов и велели им доучиваться на родине. И укатил будущий отец и новоиспеченный муж обратно на Кубу. Что теперь прикажете делать? Доня рыдает, живот растет, соседи косятся.

Пилипчук горестно вздохнул и очнулся. Ровно перед носом покачивались ярко-красные пластмассовые шары. Они тихонько стукались друг о друга, переливались и манили.

Андрей Григорьевич протянул руку.

– Ой, – заверещала дебелая регистраторша, красные бусы на вялой белой шее, – сюда! Мужчине плохо.

На зов набежали люди. Они бежали странно – ногами по потолку, головы болтались в пустоте. Кто-то в медицинском халате навис сверху, и только тогда Пилипчук понял, что лежит на полу.

– Ничего серьезного, – сказал врач, вынимая из ушей стетоскоп, – тепловой удар.

- У меня дочь рождает, – выдавил Пилипчук.
- Мы в роддоме. У нас полгорода рождает, – ответил врач, – фамилия?
- Пилипчук. Андрей Григорьевич.
- Дочери фамилия, не ваша.
- Пилипчук-Варгас, – поправился Андрей Григорьевич, – Ася Андреевна.
- Эту помню, – сказал врач, – на третий его отвезите. В платное.

Жилистые санитарки взяли Пилипчука за руки, за ноги и мешком взгромоздили на каталку. Подобрали с полу розы и присыпали сверху.

Так и закатили в отдельную двухместную палату. Спасибо, не вперед ногами. Большая санитарка тут же вышла, санитарка поменьше, которая оказалась мужиком, помогла снять ботинки и перелезть на свободную койку.

– Доктор велел вам побыть сегодня тут, – сказал санитар, – заодно и за дочерью присмотрите. Все равно за палату уплачено.

Пилипчук махнул в сторону Аси:

- Спит она или чего?
- Наркоз. Кесарево делали, через часок должна проснуться.
- А ребенок?
- Про это я ничего не знаю, спросите регистратуру.

Открылась дверь, вошла вторая санитарка с трехлитровой банкой, наполовину заполненной водой. Она достала из кармана ножницы и ловко, одна за другой, обрезала концы стеблей роз.

- Сервис, – усмехнулся Пилипчук.
- А то, – сказал санитар, – что мы, зря деньги берем?

Пилипчук поманил его пальцем, достал из кошелька купюру и сунул в руку.

Санитары с шумом выкатили каталку и закрыли за собой дверь.

Андрей Григорьевич слез с кровати и в одних носках подошел к кровати, на которой неподвижно лежала Ася. Мерно капала жидкость в капельнице.

– Доня, – тихо позвал он, – ты меня слышишь?

Ася не отозвалась. Даже ресницы не дрогнули. Лишь продолжали ритмично шевелиться ноздри аккуратного, материнского носа. Синева под закрытыми глазами и бледное лицо на серой подушке придавали еще больше сходства с покойной женой.

Пилипчук присел на краешек кровати и осторожно сжал бесчувственную руку дочери. Когда Ася была маленькая, ее рука тонула в его ладони без следа. Сейчас в его руке покоилась большая, такая же крестьянская, как у него, ладонь, с тонкими, как у матери, пальцами. Нелепая доня даже во внешнем облике скомбинировала две противоположные сущности.

Андрей Григорьевич выдохнул и выпрямился на кровати. Три дня до сентября, жарит как летом, а у дони рука холодная как лед.

Невидимая рука сжала тисками сердце, забилась, застучалась в виски кровь. Память накрыла душным одеялом.

Он знал, он сразу знал, что дальше будет только хуже. Врачи говорили, дело может пойти на поправку, небольшое ухудшение может оказаться признаком скорой ремиссии. Самыми тяжелыми были последние три месяца. Жена никого не узнавала и пугалась каждого резкого звука. Сухими, потрескавшимися губами шептала такие вещи, от которых волосы дыбом вставали. Он говорил с ней спокойным, терпеливым тоном, как говорят с неразумными младенцами. Таким она временами и была.

В тот день он оставил жену с трехлетней Асей наедине.

Ненадолго.

Вернулся с тарелкой горячего супа из кухни и замер в дверях.

Неизвестно, что подкосило больше: звериный оскал на тонком, нежном лице жены или донин хрип.

Бросился к ним сломя голову. Поразила сила, которая еще жила в изможденном недуге теле жены, тонкие пальцы на шее дочери показались стальными. В отчаянии наотмашь ударил жену по лицу. Потом еще. Аськины глаза закатились под веки. В последний момент жена пришла в себя, обмякла, перестала биться под руками. Потрясение в ее глазах сказало ему, что она все поняла. Осознала, что произошло, и ужаснулась.

А у него словно выключилось что-то внутри. Жена умерла через полтора месяца. Осталась Аська. Доня с багровыми следами на шее. Остались ожоги. На руках и на душе.

Глава 10

Май 1993

Ленинградцы, как и жители Туманного Альбиона, умеют ценить хорошую погоду, которой так редко балует их природа. Таврический сад был набит гуляющими горожанами. Солнце припекало почти по-летнему, воздух был на редкость прозрачным и душистым.

– Еще «Крокодила», – прокартавил Рома, раскрывая книжку на первой странице.

На соседнюю скамейку присели две пожилые дамы. Дама в лиловом пальто достала из сумки небольшой тетрапак и разогнула уголки. В пакете вместо кефира оказались хлебные крошки. Дама высыпала на ладонь немного хлеба и бросила на асфальт. Вторая дама, одетая в длинную куртку и модные кроссовки, присоединилась к приятельнице, и вскоре вокруг скамейки закишела птичья толпа. Пронырливые ворообы таскали крошки из-под голубиных носов, голуби сердились на нахалов и отмахивались крыльями.

– У тебя есть булка? – спросил Рома.

– Проголодался? – спросила Женя. – Сейчас поедем домой.

– Для птичек, – сказал Рома.

Женя нырнула в сумку с конспектами, библиотечными индекс-карточками с названиями книг для диплома и достала пакетик с сушками.

– У голубей есть зубы? – Рома открыл рот и постучал пальцем по передним зубам.

– Какой у вас малыш разговорчивый, – сказала лиловая дама, – сколько ему?

– В августе будет два, – ответила Женя.

– Надо же, как хорошо он говорит, – присоединилась к разговору модная дама в кроссовках, – моему внуку два с половиной. Совершенно не разобрать, что он там такое лепечет.

– Моей внучке четыре, – сказала лиловая, – в два с половиной она с удовольствием декламировала стихи, и тоже любила «про Крокодила», особенно то место, где Ваня спасал Лялечку. Но мальчики обычно развиваются позже, чем девочки.

– Как зовут вашего мальчика? – перебила приятельницу дама в кроссовках.

– Рома, – сказал сын раньше, чем Женя успела открыть рот.

– Какое у тебя имя красивое, – засмеялась лиловая.

– Замечательный малыш, – сказала модная дама, – и какой черноглазенький. Наверное, в папу?

Начинается, болезненно усмехнулась Женя. Поначалу она откликалась на такие досужие разговоры, но быстро перестала, не хотелось ни непрошеной жалости, ни поджатых губ. Хуже всего было то, что неумовимо менялось отношение к Ромке, из обычного ребенка он превращался в диковинную зверюшку в зоопарке.

Женя захлопнула книгу и стала засовывать ее в сумку. Обтрепанный по краям библиотечный том, казалось, сопротивлялся изо всех сил.

Лиловая дама протянула Роме пакет:

– Хочешь покормить голубей?

Рома улыбнулся, на щеке прорезалась ямочка.

– Нам пора бежать, – сказала Женя, – время сна, а он еще не ел.

– Режим надо соблюдать, – согласилась модная дама.

– До свидания, Ромочка, – сказала лиловая и тихо, чтобы услышала только Женя, добавила: – У вас замечательный сын, все остальное – мишура.

Глава 11

Июнь 1993

– Да сделай уже с ним что-нибудь! – Ася в сердцах швырнула на диван охапку мягких игрушек.

Малиновая подушка-думка в форме распластанного бегемота выпучила бессмысленные пластмассовые глаза.

Наталья подошла к кричащему Сереже и остановилась в нерешительности. Малыш сидел на высоком стуле и извивался всем телом. Он плакал и бил себя ладошками по ушам.

– Что с ним? – закричала Ася. – Почему он так делает?

По ее ненакрашенному лицу потекли слезы. Огромные бледные губы скривились от плача, показалось, что рыдает резиновая лягушка. И голос у нее был такой же, резкий и квакающий.

– Сама родила, сама и разбирайся, – пробурчала Наталья.

– Я не могу-у-у, – Ася зарыдала еще больше, – он тебя лучше слушается.

Наталья закрыла ладони ушами, подошла к дивану и взяла с него малинового бегемота.

– А кто у нас тут плачет? – загулила она, раздражаясь квохчущими интонациями собственного голоса. – Серёня? Маленький Лалик? А кому дать бегемота? Смотри, какие круглые у бегемота глазки. И темные, и круглые. И рот как у Лалика, большо-о-ой!

Малыш перестал стучать себя по ушам и снизил плач на пару децибел.

Наталья помахала короткой малиновой бегемотовой лапкой.

– Здравствуй, Сережа, – сказала она басом. Малыш перестал плакать и удивленно посмотрел на игрушку.

Ася с облегчением рухнула на диван:

– Все жилы вымотал.

Наталья почувствовала, как в горле заклокотала, запросилась наружу одна из любимых отцовских фраз: «Жизнь прожить – не поле перейти».

– Ловко ты с ним, – сказала Ася, – у меня так не получается.

– Ты не стараешься.

– Стараться – это по твоей части, – усмехнулась Ася.

Сережа положил бегемота на столик и принялся облизывать ему глаз. Второй глаз бегемота стал казаться еще более круглым и выпученным.

– Газик, – сказал Сережа и ткнул в него пальцем.

– Глазик, – машинально поправила Наталья, – у бегемота два глазика. Сколько у бегемота глаз?

– Кока? – заинтересовался Сережа.

– Два, – сказала Наталья, – два глаза. Где у Сережи глазки?

– От они, – с готовностью доложил малыш и положил на веко пальчик. Удивленно заморгал густыми ресницами карий, цвета крепкого чая глаз.

Ася поморщилась:

– Почти два, а говорить до сих пор не может. Тятка говорил, я в два болтала как заведенная.

– С ним надо заниматься, – сказала Наталья, – разговаривать.

– Ты чё, не слушаешь меня совсем? Я понять не могу, что он там лепечет. – Ася тяжело вздохнула и наморщила лоб: – И вот еще чего. Не называй Серёньку Лаликом. Дурацкое имя, тем более для мужика. Знаю я, откуда ноги растут. Кубинцы Эдика так называли, особенно эта – Сильвия. Лали – то, Лали – сё, а сама сиськами об него трется. Сука.

– Фука, – повторил Сережа, мусоля во рту бегемотово ухо.

– Иди в баню, – отозвалась Ася, – вот ведь засранец! Я ему Барто купила, целый вечер ему читала, а он и ухом не повел. Сидит в углу и машинкой «бзинь-бзинь», а стоит выматериться, он тут как тут.

– Фука, – лукаво улыбнулся Сережа, на щеке появилась ямочка.

– Ты только погляди, вылитый папаша, – заулыбалась Ася, – обаяния полные штаны.

Наталя кивнула замороженной шеей.

Аська радовалась беременности как новогоднему подарку. Без конца щупала свой живот, и раздевалась до белья, и смотрелась в зеркало. Наталя слушала ее со странным, замершим чувством. Она уже знала, что Лали не тот, за кого она его принимала. Он оказался не прочь переспать и с Натальей, если бы она ему это позволила. Один раз до этого чуть не дошло. Она лежала на его общежитской койке, и все, что на ней оставалось, были одни трусики. Он целовал, нежно, одну за другой – точно так, как об этом рассказывала Аська, – ее груди. Он уже начал раздеваться сам, как Наталя резко села на кровати. Что такое, моя красавица? Она и не замечала, как смешно, нелепо он пришепetyвает. Наталя встала и начала молча одеваться. Он не сделал ни одного движения, чтобы ее остановить. Не стал шутить, не стал петь свои кубинские песни, не стал вставать на колени, как он делал это для Аси. Почувствовал, что еще немного, и Наталя начнет кричать и рвать ногтями его гладкое, тупое, похотливое лицо. Лицо, о котором она столько мечтала. Идиотка...

– Да не обмирай ты так, – сказала Ася, – пошли лучше чай пить.

– Сяй-сяй, – китайским болванчиком завелся Сережа, – Сёза тоза хосит сяй.

– Сережа тоже хочет чай, – перевела Наталя.

– Это даже я понимаю, – захохотала Ася.

Глава 12

Июль 1993

Тверь встретила Женю дождем. Редкие, как слезы, капли застучали по голове сразу, как только Женя вытащила неподъемный рюкзак из вагона. До родительского дома они с Ромкой добрались мокрые и озябшие. На двери в квартиру крест-накрест теснились аккуратные шляпки гвоздей, неодобрительно пучилась кнопка звонка.

– Можно я нажму кнопку? – Ромка переступил с ноги на ногу, оставляя мокрые следы. Женя выдохнула и вытерла рукавом лоб, капли пота перемешались с дождем.

– Приехали... – сказала сзади мама, – не успела вас у поезда перехватить.

– Ничего страшного, мы сами добрались, – сказала Женя.

Мама тяжело оперлась рукой о перила, у лунок ногтей пролегла лиловая тень.

– Ну что же ты не звонишь? – шутливо строгим голосом сказала она Роме.

Женя прижала рюкзачный горб к стене и подхватила Рому на руки.

Ромка торжествующе нажал на кнопку, воздух прострелил пронзительный звук.

Сын отдернул руку и виновато посмотрел на Женю.

– Испугался? Вот такой у нас нынче звонок. – Мама улыбнулась уголками губ.

Женя с тревогой отметила, какими темными, словно обведенными чернильным карандашом, были мамины губы.

– Что случилось со старым звонком? – Женя поползла рюкзаком по стене и поставила Рому на ноги.

Мама бросила взгляд на дверь.

– Отец стал хуже слышать. Только ты ему не говори.

Женя виновато потупилась, на душе завозились, заскребли когтями проклятые кошки. Ничего не скажешь, хороша... блудная дочь. Отец и раньше не отличался здоровьем, мама бодрится, но выглядит совсем больной.

За дверью послышались шаги, откинулась цепочка, провернулся замок.

Отец постарел, усох, как изъеденное червем яблоко. Пустота проглядывала в глазах, в новой манере поджимать бледные полоски губ.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал отец. Его выцветшие глаза обшарили дверной проем и замерли на дверной ручке, ниже которой ерзала мокрая Ромкина голова.

– Проходите, раз приехали, – сказал отец и повернулся спиной.

Тяжеленный, как чувство вины, рюкзак придавил Женю к земле, непосильной ношей впился в плечи. Мишура, сказала Жене лиловая дама в Таврическом, все, что казалось таким простым и логичным в Питере, выглядело несуразным и стыдным в Твери.

– Ничего, ничего, – зашептала мама, – все образуется... со временем.

Теплые мамины руки огладили поникшую Ромкину голову, вцепились в лямку рюкзака.

– Ромке летом будет два, – сказала Женя, – я думала...

– Он познакомится с Ромой, – зашептала мама, – поймет...

Она отлепила Ромку от Жениной ноги, посадила на табурет. Нелюдимый обычно Ромка совсем не сопротивлялся, позволил посадить себя на табурет, расстегнуть ветровку.

– Я сама, – засмущалась Женя, сняла рюкзак, пристроила у стены. Несуразно огромный, он занял всю прихожую.

– Ну что ты, что ты, – сказала мама, – вы теперь дома.

На улице грянул гром, толстые капли забарабанили по стеклу. Женя зябко передернула плечами. Свитер впитал влагу, стал тяжелым и колючим и почему-то пах грибами.

– Успели до грозы, – сказала мама, снимая с Ромы мокрые сандалики.

Вымокшие носки снялись со смешным, хлюпающим звуком. Рома захихикал, зашевелил босыми пальцами ног. Мама расцвела нежной улыбкой, от которой у Жени перехватило горло, в сердце оттаяли крошечные ледяные иголки.

По шее пронесся зябкий сквозняк, Женя почувствовала присутствие Натальи раньше, чем услышала, как открылась дверь в комнату.

Темнели, словно Волга в грозу, Натальины глаза, между бровями пролегли незнакомые морщинки. Сестра не отрываясь смотрела на Рому. Наверное, так могла бы выглядеть... разбуженная крушением корабля русалка. Не светлая русалка Андерсена, а мстительная русалка Гоголя.

За Жениной спиной жалобно пискнул и бросился бабушке на шею Ромка.

Она охнула, потеряла равновесие, но в последний момент успела опереться об пол.

– Чуть... не упали, – с облегчением выдохнула мама.

– Ты меня поймала. – Ромка благодарно положил ей голову на плечо.

В конце коридора хлопнула, закрываясь за Натой, дверь.

Улыбка стекла с усталого маминого лица.

– Все будет хорошо, – неуверенно сказала она.

Наталья сгорбилась на кровати и прислушалась. Простые незатейливые звуки в коридоре беспощадно резали слух. Все, что казалось похороненным и забытым, вернулось опять. Она назвала сына... Роман. Имя звучало громкой насмешкой, звонкой пощечиной всему, что так долго жило в Натальиной душе. Дети Эдуардо оказались похожими и в то же время совершенно разными. В ребенке сестры сконцентрировалось все лучшее, что грезилось Наталье в его отце, все то, чего в нем не должно, не могло быть. Все живое и настоящее, все, о чем можно было мечтать и любить. Все остальное досталось Аськиному сыну. Маленький Сережа оказался бледным оттиском, слабой копией настоящего. Щемящее чувство внутри было острым и одновременно тупым, не разобрать, боль это или злость. Наталья вытерла сухие глаза и невидящими глазами уставилась в пол, окаменевшее лицо расколола горькая, болезненная усмешка.

Глава 13

Восемь квадратных метров кухни превратились в сектора конфликта. У окна размещался лагерь отца. Он ел не поднимая головы, пропихивая куски в сжатое горло. На руке, сжимавшей вилку, сердито белели костяшки.

Женя с Ромой расположились в противоположном углу у двери. Чтобы Рома доставал до стола, мама подложила на сиденье две толстые книги: старый институтский учебник по сопромату и книгу Чуковского «От двух до пяти».

Сама мама сновала в буферной зоне у плиты. Женя разрежала Ромкину тефтельку на кусочки и переложила на свою тарелку половину вермишели.

Мама покачала головой:

– Оставь, может, захочет.

Рома с аппетитом съел тефтельку, выдул стакан компота из сухофруктов и ткнул пальцем нетронутую вермишель.

– Надо кетчуп, – сказал он.

Отец подавился воздухом. Мама уронила на сковородку только что поджаренную тефтельку, которую собиралась подложить Роме, и бросилась наливать воду.

Отец залпом выпил воду, прочистил горло и вытер уголки рта бумажной салфеткой.

Мама взяла из его рук стакан с остатками воды и поставила в раковину.

– Надолго в наши края? – спросил отец, рассматривая стену чуть выше Роминой головы.

– Ты меня спрашиваешь? – покраснела Женя.

– Нет, ребенка, – с сарказмом сказал отец.

– Ребенка зовут Рома, – тихо ответила Женя, – мы недолго будем злоупотреблять вашим гостеприимством. Две недели максимум.

Мама опустила голову и начала автоматически протирать плиту.

– И что дальше? – Отец перевел взгляд на Женин подбородок.

– В каком смысле? – спросила Женя.

– Где кетчуп, в холодильнике? – спросил Рома.

Мама перестала вытирать плиту, повернулась к Роме и приложила палец к губам.

– Кетчупа нет, – сказала Женя, – хочешь майонеза?

– Или сметаны? – оживилась мама. – Хочет Ромочка сметаны?

Рома кивнул.

– Холодильник в коридоре, – сказала мама, – пойдешь с бабой Людой за сметаной?

– А мама? – спросил Рома.

– Маме надо поговорить с бабушкой.

– Я не бабушка, а Владимир Сергеевич, – сказал отец.

Мама помогла Роме слезть со стула, взяла его за руку и вышла, закрыв за собой дверь.

На сковородке затрещала, сгорая, тефтелька. Женя протиснулась к плите, выключила огонь и переставила сковородку.

Отец ухватил себя за подбородок.

– Я твой отец, – сказал он, – я добра тебе желаю. На что ты собираешься жить? Да еще и с ребенком?

– Мы выжили в Питере, – ответила Женя.

– Выжила она, – сказал отец, – думаешь, я не знаю, сколько продуктов мать перетаскала на себе, моталась туда-сюда, как мешочница. Глаза угробила, каждую ночь – чертежи.

– Я понимаю, – вспыхнула Женя. – Что тебе от меня надо? Чтобы ноги моей в твоём доме не было? Я уеду через три дня, билет уже в кармане. Хотела подготовить все, потом уже Рому везти. Далеко это, в Сибири.

– Распределение? – спросил отец.

– Ага, комсомольская путевка, – сказала Женя, – нет сейчас распределения. Кто куда может, туда и устраивается. Или куда возьмут. Не домой же возвращаться, в этом ты прав.

Отец помолчал, выбивая пальцами сухую дробь.

– Хорошо, – сказал он, – можешь оставить его у нас. На все лето. Я даже с билетами до места помогу. Поезда туда ходят? Где это конкретно? И что за работу тебе предложили? Надеюсь, не полы мести? После университета.

Наталья стояла в темном коридоре и слушала. Голоса за закрытой дверью кухни перестали напоминать звуки перестрелки. В зале журчал мамин голос. Она читала Роме стихи Агнии Барто из книжки, по которой Наталья училась читать.

– Идет бычок, качается, вздыхает на ходу, – прочитала мама.

– Ой, доска кончается, сейчас я упаду. Бом, – тут же подхватил Женин сын.

– Бом, – радостно повторила мама, – какая же ты умница!

Неслышными шагами Наталья подошла к двери зала и заглянула внутрь. Мама и Рома сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу. Одной рукой мама обнимала его за плечи, другой переворачивала страницы раскрытой на коленях книги. На их лица падал отраженный страницами книги свет. Золотом отливали мамины волосы, в темных колечках на голове Ромы дрожали искры.

Глава 14

Уже вторую ночь перед сном Ромка беспокойно шарил по стене руками. Давным-давно, еще до рождения Наты, мама, папа и Женя жили в одной комнате, на стенах которой росли лиловые цветы неизвестной породы на уходящих в потолок дорожках. Женя вспомнила, как она шагала пальцами по нарисованным линиям, старательно огибая цветы. Обои в зале, по которым сновали Ромкины руки, выглядели совсем по-другому. Песочные ромбы, вписанные в очерченные золотом квадраты, напоминали механические глаза, будто со стен пялились бесчисленные фантастические роботы. Было бы хорошо, если бы они подчинялись трем законам роботехники и не могли причинять вреда человеку.

– Где палочки? – пробормотал в полусне Рома, протянул руку, словно пытаясь что-то нащупать. Вдохнул и сам ответил на свой вопрос: – Нет палочек.

Вон оно что, догадалась Женя. В общежитии сын засыпал, ухватившись за решетку детской кровати.

Рома засопел и высунул из-под одеяла босую ногу.

Женя отложила книгу и укрыла ногу одеялом.

Через мгновение нога высунулась опять. Женя положила на нее ладонь. Совсем недавно Ромкина ножка полностью помещалась в ладони. Нога под рукой была горячей и сухой. Женя пощупала Роме голову. Голова горячей не казалась.

Рома перекатился на спину и открыл глаза:

– Пить.

Женя взяла сына на руки и понесла его на кухню.

На залитой светом кухне за столом перед остывшей чашкой чая сидела Наталья.

Рома заморгал и прикрыл глаза рукой.

– Не спится? – не поворачиваясь, спросила Наталья.

– Пить просит, – ответила Женя.

Она посадила Рому на табуретку и взяла с подоконника стеклянную банку с кипяченой водой.

– Почему там денежка? – спросил Рома, замороженно разглядывая сквозь толщу воды серебряный диск на дне.

– Серебро чистит воду, – объяснила Женя, протягивая ему чашку с водой.

– Разговорчивый, – сказала Наталья.

Рома зарылся лицом в чашку.

Женя кивнула. Натальин голос звучал вполне дружелюбно, возможно, она уже примирилась с их присутствием.

– Во сколько поезд? – спросила Наталья.

– В восемь утра.

Наталья повернулась к Роме:

– Мамка уедет, а ты останешься со мной.

Ромка вздрогнул и выпустил из рук чашку. Она со звоном стукнулась о стол и раскололась.

Рома заплакал. Не громко, но так горько, что у Жени больно сжалось сердце.

– Зачем ты так? – сказала она Наталье.

– Что я такого сказала? – Наталья встала из-за стола и стряхнула с халата воду. – Разве это неправда?

Женя схватила с раковины тряпку, бросила на стол и подхватила Ромку на руки.

– Ты притворяешься или на самом деле не понимаешь?

– Что именно я не понимаю? – спросила Наталья.

Ромка прильнул к Жене, схватился за шею обеими руками.

– Мама ненадолго, мама скоро придет? – прошептал он.

Это была их формула, когда она уходила на вечернюю подработку.

Женя кивнула, прижала Ромку к себе. Какой он еще маленький.

– Скажи ему, – сказала Наталья, – скажи ему правду...

Что-то злое, непримиримое плескалось в ее лице. Происходило что-то недоброе, чему Женя не могла подобрать слов.

– Он маленький, он не понимает, – сказала Женя, – чего ты добиваешься? Ты хочешь, чтобы он заплакал?

– Это ты собираешься его оставить, – сказала Наталья, – думаешь, он не расстроится, когда обнаружит твое отсутствие?

– Ты изменилась, – сказала Женя, – стала... недоброй.

– Зато ты у нас добрая. – Натальино лицо конвульсивно дернулось. – Единственное, что ты умеешь, – создавать проблемы. Кто тебя просил приезжать? Кому ты оставляешь своего ребенка? Отцу, который видеть его не может? Маме? Ты в курсе, что она недавно потеряла на улице сознание? И кто будет возиться с ребенком, когда родители будут на работе? Об этом ты подумала?

Ромкино сердце стучалось так громко и близко, что казалось, оно стучится в Жениной груди.

– Рома устал, – прошептал он, – Рома хочет спать.

Женя крепко прижала сына к себе и вышла из кухни.

– А осколки ты на меня оставила? – завизжала вслед Наталья.

– Не трогай, сейчас уберу! – закричала в сердцах Женя, сталкиваясь в дверях с заспанной мамой.

– Три часа ночи, – мама пригладила растрепанные волосы, – что разбили?

– Рома чашку уронил, – все еще дрожа, ответила Женя.

– Не порезался? – встревожилась мама.

– Иди спать, не волнуйся, – сказала Женя, – сейчас Рому переодену и все соберу.

– Дай его сюда, – сказала мама, протягивая к Роме руки, – пойдешь к бабушке? Где его пижамы, в рюкзаке или в чемодане?

– В чемодане, слева, – сказала Женя, открывая локтем дверь в зал.

– Ты полегче с Натальюшкой, – сказала мама, ловко натягивая на Рому пижаму, – драма у нее. Подруга, ты ее, наверное, не знаешь, Ася, родила от парня, в которого она была влюблена. Так она возится теперь с этим Сережкой, как с родным. Я говорю, не ходи туда, не рви сердце. А она – не могу, Ася не мать, а кукушка какая-то, не кормит пацана совсем. Натка приводила его к нам, худющий, лопатки торчат. Но славный! Глазки темные, как черносливки, совсем как у Ромика. Оба августовские, дней восемь разницы, не больше. И кудри такие же. Рома выше и не такой худой. Сережка с трудом говорит. Пару слов всего знает: мама, тятя (это он деда так зовет) и Ната. Ой, и «дай» еще. Наш Ромусик просто поэт по сравнению с ним...

Ласковый мамин голос словно взболтал осевшую на дно темную жижу. Жене казалось, что тот далекий вечер с Эдуардо, Наталья и Ася остались в прошлом, в настоящем был только Рома. Сын, который никому, кроме нее, не принадлежал. Приезд всколыхнул стоячую воду, из которой полезли на волю призраки.

– Смотри, уснуло твое сокровище, – сказала мама, подтыкая Ромке одеяло, – мне кажется или температура у него?

– Нет вроде. – Женя потрогала Ромкин лоб.

– Плохо тебе? – с беспокойством спросила мама. – Вон побледнела как. Надо спать. И к поезду рано вставать. Ты ложись, я сама на кухне приберу. Да и с Натальей поговорю.

Мама выключила торшер и закрыла за собой дверь.

Женя осталась в темноте. На обоях мерцали, палились немигающие глаза-ромбы.

Глава 15

Первая мысль была простой и жестокой. Размозжить утюжку голову. Молодой шофер Гена работал на Андрея Григорьевича всего месяц. Его предшественник, Митрич, который возил Пилипчука с самого назначения, ушел на пенсию. Переехал к дочери куда-то под Саратов.

Тело внука под колесами выглядело ненастоящим. Словно лежала, раскинув руки, большая кукла. Когда-то давно, в советской жизни, Пилипчук привез такую куклу из Москвы. Гордая Ася водила куклу по дому за руку и повторяла за ней: «Мама, мама».

Утюжок Гена решил подогнать машину вплотную к крыльцу. Что они должны были загрузить в багажник? Сейчас и не вспомнить. Кто знал, что Сережка рванется под колеса? Гена не отрываясь смотрел в зеркало заднего обзора, Пилипчук сидел рядом, может подтвердить. Удар показался несильным. Словно придавило кошку или наехали на колесо. Насторожил только короткий детский крик. Словно всхлинула чайка.

Сережка был без сознания всю дорогу в больницу. На ухабе у выезда на асфальт его голова мотнулась у Пилипчука на колене, заставив вздрогнуть. Так и не удосужился прислать машину с песком, чтобы засыпать. Внутри тела внука что-то екало и бурчало, нагоняя слепой, животный ужас. Пилипчук взял обеими руками крошечную кудрявую голову в ладони и перестал дышать. Боялся сделать хуже. Передал его с рук на руки дежурному врачу и не чувствуя ног пошел следом. В операционную не пустили, сунули в руку таблетки и куда-то отвели.

В больницу примчалась Ася. Сказала, что позвонила нянька. Где была эта старая дура? Почему не держала внука за руку? Куда делась потом? Когда он вынимал Сережу из-под колес?

Так они и сидели с доней бок о бок до самого утра. Ася ничего не говорила, ничего не спрашивала. Сходила один раз в туалет и вернулась, держа голову неестественно прямо, будто боялась расплескать что-то внутри.

Вышел доктор, не тот, который принимал Сережу из его рук, а другой – старый и лысый. Говорил и все время тер рукой лысину, хотя потной она не выглядела. В искусственном мертвенном свете лысина блестела как полированная. Он так и не понял, что лысый сказал. Меры по реанимации. Скорее всего. Излияние. Будем ждать.

– Где мой внук? – спросил он лысого. – Когда мы сможем его забрать?

Сзади послышался глухой стук. Словно завалился мешок картошки. Когда он повернулся, Ася лежала на полу, неловко подвернув под себя руку.

Лысый доктор перестал натирать лысину и бросился к Асе. Он открывал рот и что-то говорил. Андрей Григорьевич не понимал ни слова. Казалось, доктор говорит на чужом, булькающем языке. У Аси, вместо ее собственного, было чужое, холодное лицо покойной жены. В груди зашевелился давно задушенный, забытый страх, застучался под коленки, тиком забился под левым глазом.

Время повернулось вспять. Вчера превратилось в сегодня. Завтра затянуло мутной пеленой. Стрелки усов командирских часов докладывали, что с момента аварии прошло пятнадцать часов. Время с момента смерти жены не фиксировалось. Она продолжала умирать на глазах. В Асином теле.

Андрей Григорьевич тяжело переступил с ноги на ногу и посмотрел в дыры Асиных глаз.

– Доня, – глухо сказал он.

Задвигались, ожили крошечные булавки Асиных зрачков. Она раздвинула бледные, покрытые корочкой затянувшихся ранок губы:

– Где Сережка? Как он?

Пилипчук дернулся. Если бы он мог плакать, он сделал бы это сейчас. Воздух с шумом вырвался из легких, словно охнул истекающий кровью зверь. В дремучих брянских лесах, куда,

по легенде, завел Сусанин вражеские войска поляков, Пилипчук с командой загнали мощного лося. Лось был старым, но изрядно помотал их по болотам. Брал не скоростью, а инстинктом и знанием рельефа. Пули из «калашникова» прошили лосю хребет, располосовали брюхо. Вокруг темной лужи натекающей крови сновали юркие серые лесные мухи. Вожделенно потирая лапки, они садились на живые еще, затянутые мукой глаза, тыкали жадными хоботками в вывернутые от боли губы. Из груди умирающего зверя вырвался тогда точно такой же хрип.

– Почему ты молчишь? – спросила за спиной Ася.

Он продолжал стоять к ней спиной, страхась снова увидеть пустые, сумасшедшие глаза, так напоминавшие те, которые он пытался стереть из памяти все эти годы. Голос дочери бился в спину, тупой болью отдавался в затылке, а перед глазами возникла другая, более мучительная картина. По виску жены наперегонки ползут капли пота, набухают от усилия жилы на тонких руках, длинные, с обломанными ногтями пальцы сжимают горло трехлетней хрипящей Аси.

Вес прошлого на сторбленных плечах. Андрей Григорьевич тяжело, как на культях, повернулся на пятках. Ася лежала на больничной койке, под полуприкрытыми веками беспокойно бегали зрачки, в уголке приоткрытого рта поблескивала вязкая, прозрачная слюна. Непонятно, забылась ли доня от усталости или подействовал наконец аминазин.

Глава 16

27 июля 1993

Наталья прошла мимо очереди в Сбербанк, которая гигантским хвостом вываливалась из дверей, огибала дом и заворачивала за угол. Люди в «брюхе» очереди вели себя беспокойнее всего. Их голоса напоминали шум встревоженного птичьего базара.

– За чем стоим? – спросила Наталья у ближайшей тетки с вытаращенными глазами и потным лицом.

– Ты что, новости не слушаешь? Деньги меняют, – выпалила та, – сказали, только тридцать пять тысяч на человека можно менять.

– Хуже павловского обмена, – подхватил мужчина кавказского вида.

Тетка окинула его недружелюбным взглядом.

– Тут только по прописке меняют, – сказала она мужчине и добавила, обращаясь к Наталье: – А у меня сын с невесткой в отпуске.

– Я тоже в отпуске, – сказал кавказский мужчина, – друзья на Селигер пригласили.

– Надо же, – отозвалась моментально подобревшая тетка, – мы к вам, а вы к нам. Мои в Тбилиси поехали.

– Я из Владикавказа, – сказал мужчина.

– Все равно Кавказ, – сказала тетка. – Жара стоит как раз для купания. Интересно, успеют всех пропустить? Я сразу в перерыв прибежала, а толку...

– Народ со вчерашнего дня очередь занимал, – сказала моложавая женщина в очках, – лично я стою тут с пяти утра.

– Девушка, – кто-то резко дернул Наталью за рукав, – вас тут не стояло, не примазывайтесь.

Лицо плюгавого мужичка в тенниске и мятых брюках дышало перегаром и гражданской бдительностью.

– Я только спросить, – сказала Наталья.

– Умная какая нашлась, – из-за плеча плюгавого выглянула обширная тетя в цветастом платье, колыхнулись растянутые грудями маки, – спросить она хочет!

– Что там происходит? – закричали из очереди сзади.

– Да тут нахалка одна рвется без очереди, – сказала тетя в маках.

– Не пущать! – заорал ближайший дед и больно ухватил локоть клешней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.